

Поездка "на голод". Записки члена отряда помощи голодающим Поволжья (1912 г.)

Л.Н. Липеровский.

Жизнь и работа в деревнях Бузулукского уезда Самарской губ

Настоящая статья не является полным отчетом о работе всего Бузулукского отряда Е. И. Орловой, а представляет собою лишь личные впечатления одного из его членов.

I.

Осенью прошлого года, когда разнеслась грозная весть о голоде в целом ряде губерний, трудно было, не реагируя ничем на это общественное бедствие, оставаться в Москве и продолжать свои обычные дела. Многие из моих близких товарищей и друзей стремились уехать на голод и мне также удалось вступить в московский отряд Ек. Ив. Орловой, который был организован ею сперва при помощи кружка частных лиц, а затем поддерживался московской городской управой, Московским О-вом грамотности общеземской организацией и многими частными лицами. 16 декабря наш отряд выехал из Москвы в Самарскую губ. В Самаре нам пришлось задержаться на несколько дней, чтобы получить у губернатора разрешение проникнуть в деревню кормить голодных крестьян. Мы находились в очень затруднительном положении, так как частные отряды были правительством воспрещены, а вступить в «Красный Крест», как нам было предложено губернатором, мы не могли, так как многие из тех лиц, которые через нас жертвовали средства, делали оговорку: «только не в «Красный Крест». В конце концов мы нашли удобный выход. При бузулукской земской управе был учрежден «комитет по оказанию помощи населению, пострадавшему от неурожая». В этот комитет земство открыло доступ и частным лицам. Мы вступили в члены этого комитета и таким образом получили возможность ехать в деревню. Отношение наше к земскому комитету выразалось в том, что мы должны были все пожертвования проводить через земскую кассу и по окончании нашей деятельности представить земству все денежные отчеты.

II

26-го декабря, сделав 80-верстный путь на лошадях, по первому снегу, мы приехали в большое село Ефимовку, где, как мы слышали еще в Москве, положение крестьян было очень тяжелое. Очень скоро

мы убедились, что приехали в самый острый момент развития голодовки. В селе была эпидемия брюшного тифа, и мне, как медику, с первого же дня пришлось обходить избы, чтобы составить себе представление о характере и силе эпидемии. Самые ужасные и вопиющие картины открывались предо мною. Я зарегистрировал в тот день около 30 случаев брюшного тифа и бесчисленное множество других заболеваний: гастритов, стоматитов, общего ослабления, куриной слепоты и два — три случая цинги. У меня, как мало опытного медика, голова шла кругом от такого обилия болезней, тем более, что все больные обращались ко мне за советом, просили или требовали лечить их и дать им хлеба. Стоило мне войти в какую-либо избы, как меня тотчас же плотным кольцом окружали больные. Большинство крестьянских жилищ представляли из себя глиняные мазанки с земляным полом и глиняным потолком и имели чрезвычайно жалкий вид. Сплошь и рядом мне приходилось входить в мазанки, где с первого момента решительно ничего нельзя было разобрать. Темно, смрад, из маленького окошечка, затыканного тряпьем, едва брезжить свет, под ногами что-то липкое и сырое. Когда привыкнешь к полумраку, то видишь печь, огромную кровать с грудой тряпья, около кровати — корова, ягнята; на печи дети, кто в чем: кто без штанов, кто в одной кофтенке. Под грудой лохмотьев кто-то ворочается — это хозяин дома: у него тиф. Во многих мазанках по нескольку дней не топили печь, потому что не было «кизяков». Во многих избах меня окружали и, понуря голову, жаловались, что у них «мочи больше нет» и что они уже 2 — 3 дня ничего не ели. В печи я сплошь и рядом находил только один чугунок с тепловатой, соленой водицей, в которой плавали какие-то крохи, не то картофеля, не то хлеба. У иных крестьян была ржаной хлеб, но только он один; никакой горячей пищи, щей, похлебки и в помине не было.

Другие избы на вид производили очень хорошее впечатление: построенные из крупного леса, большие, просторные; но когда я знакомился с их хозяевами, оказывалось, что у владельца этого жилища пали 3 лошади, 2 коровы; весь хлеб, который у него остался от прошлого года, он съел и превратился из «жителя», как там говорят, т.е. из достаточного крестьянина в нищего. Пришлось мне посетить некоторых больных в семьях крестьян вполне достаточных, но таких в селе оказалось дворов десятков на 4,000 всего населения этого села. Когда вечером все члены нашего отряда собрались вместе и обменялись впечатлениями, то для нас стало совершенно ясно, что мы приехали в местность, где крестьяне действительно голодают, где на почве голода развивается масса болезней с преждевременной смертью.

III.

Решено было немедленно открыть столовые и организовать

медицинскую помощь. Средства, которыми мы располагали в начале нашей работы, были весьма ограничены и давали нам возможность кормить детей-школьников 180 человек и 200 человек взрослых. Нуждались в неотложной помощи несравненно большее число людей и для нас была трудная задача, как распределить порции, кого кормить в первую очередь; в дальнейшем мы надеялись получить из Москвы денег и еще открыть столовые. Мы поступили такими образом: созвали сходку и всему «миру» объявили, что приехали из Москвы помогать им и намерены открыть столовые; деньги, на которые мы будем кормить, собраны в Москве копейками и рублями сочувствующими людьми. Мы сказали крестьянам, сколько у нас было денег и сколько человек мы можем прокормить на них, рассчитывая на каждого человека тратить в день не больше пяти копеек. Так как удовлетворить всех мы не можем пока, то просим крестьян самих распределить помощь между самыми нуждающимися.

На сходке крестьяне выбрали из своей среды двух уполномоченных, доверенных людей и этим уполномоченным поручено было составить список двухсот человек самых бедных. На следующее утро вновь собрали сход и уполномоченные представили список. Список этот раза в три превышал норму и мы читали его вслух и всем миром обсуждали, кого оставить, кого пока выбросить. На каждом шагу сходка останавливалась в недоумении, не зная как быть, так как многих крестьяне не находили возможным выкинуть, а увеличить список мы тоже не могли. Как бы то ни было, список в конце концов был фиксирован, сходка разошлась, и на душе у нас осталось очень тяжелое чувство.

IV.

Когда мы ехали на голод, то много думали о том, как и откуда будем получать хлеб и другие продукты. В действительности же оказалось, что почти всюду, где нам пришлось кормить, можно было или в этом же селе или по соседству найти богатых мужиков, у которых хлеба сколько угодно. В Ефимовке нашли такие богатые мужики, и у них мы в первый же день купили 1,000 пуд. пшеницы по 1 руб. 45 коп. за пуд. (Обычная цена на пшеницу в тех местах 60 — 70 коп.). Мясо тоже можно было достать на месте, зато пшено, картофель, лук, молоко, яйца и капусту сначала трудно было получать, а потом и совершенно невозможно. Все закупленные для столовых продукты были сложены в амбар, ближайшее заведование которым было поручено уполномоченному от крестьян; этот уполномоченный был обязан еженедельно выдавать из амбара продукты на каждую отдельную столовую и отвечать за целостность и сохранность амбара. Из своей среды крестьяне выбирали «столовщиков», которые брали на себя обязанность ежедневно выпекать определенное количество хлеба и готовить приварок. За

свой труд, как уполномоченные, так и «столовщики» денег никаких не получали, а лишь пользовались правом брать себе определенное количество порций, чтобы кормить всю свою семью. «Столовщиками», следовательно, выбирали наиболее нуждающихся крестьян, которые охотно несли общественную обязанность. Иногда бывали недоразумения с кизяками — топливом; обычно же крестьяне охотно тратили свои дрова, раз они у них имелись. Каждый «столовщик» ежедневно готовил на 50 — 60 человек. Ежедневная порция для каждого состояла из 1,5 фун. пшеничного хлеба и 1 бутылки горячего приварка. Попеременно готовили щи, картофельный суп и кулеш (густая пшенная каша). В избе, где готовился обед, была вывешена «инструкция», т.е. расписание, в какой день что готовить и подробные указания, как готовить, что и в каком количестве класть в котел. Вот примерь такой инструкции:

Столовая на 100 человек

	Кулеш	Картофельный суп постный	Картофельный суп скоромный	Щи постные	Щи скоромные
Воды	5 вед.	5 вед.	5 вед.	5 вед.	5 вед.
Пшеница	20 ф.	6 ф.	6 ф.	6 ф.	6 ф.
Картофеля	10 ф.	20 ф.	20 ф.	-	-
Постного масла	2 ф.	1,5 ф.	-	1,5 ф.	-
Луковиц	8 шт.	10 шт.	8 шт.	10 шт.	8 шт.
Перцу молот.	1 ст. л.	1 ст. л.	1 ст. л.	1 ст. л.	1 ст. л.
Соли	2 ф.	2 ф.	2 ф.	2 ф.	2 ф.
Лавр. листу	15 шт.	15 шт.	15 шт.	15 шт.	15 шт.
Капусты кисл.	-	-	-	0,25 ведра, или	0,25 ведра, или
Капусты сушеной	-	-	-	2 ф.	2 ф.
Муки подбайки	-	2 ф.	2 ф.	2 ф.	-
Мяса	-	-	16 ф.	-	16 ф.
Гороху	-	-	-	8 ф.	8 ф.

Кроме того, «столовщик» получал от нас подробный расчет продуктов на неделю и на месяц. По этому расчету он должен был получать продукты из амбара от уполномоченного, и этих продуктов у него должно было хватать.

На стене висел список тех лиц, которые должны были получать порции из данной столовой и на этом же списке дежурный отмечал всех получивших в этот день. Мука выдавалась с тем расчетом, чтобы столовщики из пуда муки выпекали 1 пуд. 18 фун. хлеба. Эти 18 фун. припеку мы требовали постоянно, и хорошего качества мука всегда давала этот припек.

Все дети должны были обедать обязательно в столовых и ни в каком случае не уносить свою порцию домой (кроме остатков хлеба); но взрослыми предоставлено было по желанию брать свою порцию домой. Мы наверное знали, что многие дома разбавляют приварок в несколько раз водою и едят всей семьей, так как, конечно, не все члены семьи получали обед, но как было бороться с этими злом и следует ли бороться с ним — мы не могли твердо решить; все же они принимали, хотя и плохую, но горячую пищу. Скоро столовые наши хорошо наладились и функционировали правильно. Но в первые же дни открытия столовых создалось очень тяжелое для нас положение. Масса народу не попала в столовые; они целыми днями осаждали нашу избу, ловили нас на улицах и умоляли «пожалеть», «подписать на столовую». Мы разъясняли, что не можем больше никого «подписывать», что, ведь, мы на сходке говорили миру и выясняли, что больше 200 человек мы не можем кормить, но все это было для них непонятно. Иной раз для нас ясно было, что данному человеку необходимо помочь как можно скорее, что он «дошел», но чем помочь? И тут сотрудницы нашего отряда беспомощно рыскали по углам избы, не зная, чем бы накормить голодного и одеть его. А из соседних сель, хуторов и волостей к нам шел и шел народ: татары, чуваша, хохлы, башкиры, русские, с теми же просьбами, мольбами, иногда и требованьями, и угрозами. Подчас приходилось в резкой и категорической форме говорить с бедняками. Самими тяжело было садиться за еду в эти дни. Общая тяжелая картина крестьянской жизни усиливалась прямо-таки ужасающими падежом скота. Ежедневно в селе падали десятки голов.

V.

В январе наш отряд начал получать из Москвы большие пожертвования, и в течение месяца мы имели возможность открыть целую сеть новых столовых в Ефимовской волости, а именно в селах: Ефимовке, Васильевке, Гаршине, Ферапонтове, Федоровке и Таврическом хуторе. Самую острую нужду эти столовые удовлетворяли. Здесь уместно указать на правительственную помощь, на характер ее и отношение к нашим столовым. В октябре месяце, когда голод стал принимать острые формы, были организованы правительственные общественные работы. Работы состояли главным образом в возведении земляных плотин. Post factum трудно было судить, насколько эти работы велись

рационально. Многие из этих грандиозных земляных сооружений были размыты и уничтожены весенней водой. Крестьяне уверяли, что земляные работы производились слишком поздно, когда земля уже замерзла и что заранее было известно, что ничего хорошего от этих плотин ожидать нельзя, но как бы то ни было, крестьяне, хотя далеко не все нуждающиеся, получали от этих работ некоторую денежную поддержку, которая была для них в то время существенно необходима.

В ноябре месяце были устроены казенные столовые, которыми заведовали земские начальники и в которых кормили, как выражались крестьяне, «всех без разбора». Эти столовые просуществовали только две недели и были все закрыты по приказу губернатора. В Ефимовской волости после закрытия столовых были обнаружены «роковые последствия», благодаря чему возникло даже судебное следствие, куда был привлечен волостной старшина, заведовавший казенными столовыми. Это следствие наделало много шума в деревне.

После закрытия столовых была организована попудная возвратная ссуда зерном. Эта помощь состояла в том, что крестьяне получали ежемесячно по одному пуду зерна (пшеницы или ржи) на человека. Трудоспособные мужчины не имели права на эту помощь; ссуда выдавалась только женщинам, детям и старикам. Дети, моложе одного года, получали по 0,5 пуда. Эту ссуду крестьяне получали с обязательством возврата ее. Безвозвратно ссуда выдавалась только старикам и убогим.

Здесь следует указать на то, что во всех тех местах Бузулукского уезда, где нам пришлось работать, нет ни одного завода, ни фабрики, ни кустарной промышленности, ни даже извоза, и, таким образом, взрослые мужчины, «работники» не могли иметь никаких заработков зимою и оставлены были безо всякой помощи. Итак, в каждой крестьянской семье далеко не каждый член ее получал ссуду. Выдавалась ссуда не в селе, а в уездном городе, куда надо было ехать за 2 — 3 пудами несколько десятков верст*. Благодаря ужасающему падежу скота, громадное большинство крестьян не имели возможности самостоятельно привезти себе хлеб. Лошади или пали, или были настолько слабы, что не могли дойти и десятка верст. Приходилось нанимать подводы у богатых мужиков. Денег не было и платили несколькими фунтами с каждого пуда. Привезенное в село зерно нужно было смолоть и за это уплатить также фунта два из того же пуда. Когда мука, наконец, попадала в крестьянскую избу, каждый пуд весил фунтов на 6 — 7 меньше. Итак, во-первых, не все члены крестьянской семьи получали ежемесячную зерновую ссуду и, во-вторых, в силу указанных обстоятельств каждый получать меньше предполагаемого пуда. При самом хорошем расчете и при очень плохом аппетите вся семья могла пробавляться полученным хлебом

ни коим образом не больше 20 дней. Остальные десять дней месяца вся семья была обречена на полное голодание. В эти 10 несчастных дней, которые в разных селах приходились на разные числа месяца, поднималось поголовное нищенство. Крестьяне села Ефимовки шли побираться в Васильевку и наоборот; шли из одной волости в другую в надежде, что там еще остался ссудный хлеб. В одну мелочную лавчонку в селе Покровке ежедневно заходили просить подаяния не менее 100 человек. Хозяин лавки был в отчаянии: «Не подавать нельзя, потому народ дошел, а подавать всем — разорюсь», говорит он. В конце концов картина была такова. В течение двадцати дней месяца крестьяне кое-как питались, не умирали с голоду, хотя ели один только черный хлеб, и эта полная сухомятка не предотвращала болезней. (Мой амбулаторный журнал показывает за это время 75% гастритов и стоматитов). Остальные 10 дней месяца положение каждого крестьянского двора было прямо-таки отчаянное — есть было решительно нечего.

Отсюда совершенно ясно, какое значение могла иметь и имела частная помощь. Столовые давали горячую пищу и известный процента населения кормили непрерывно. Семья в 10 человек, получавшая ежемесячно 6 пудов хлеба в виде ссуды и из наших столовых 4 порции, т.е. 4 бутылки горячего приварка и 6 фунтов печеного хлеба ежедневно, могла прилично существовать, не хворающая от голода и сухоядения. Одни только наши столовые были бы недостаточной помощью, так как кормили не всех; одна казенная помощь была бы также безусловно недостаточна. Поэтому, когда земские начальники объявили, что намерены лишить ссуды всех, кто кормится в наших столовых («чтобы не давать двух подачек»), то мы протестовали против этой меры, как только могли, так как предвидели весь ужас, который из этого мог получиться. Земские начальники хотели лишить крестьян ссуды на основании какой-то определенной статьи, но, к счастью, никто в земстве не мог понять «истинного смысла» этой статьи, и все осталось по старому.

VII.

Из соседних волостей к нам непрерывно шел народ с просьбами о помощи. В феврале месяце, когда в Ефимовской волости сеть столовых была устроена и столовые функционировали правильно, наш отряд вынужден был расширить свою деятельность на другие волости. Мы знали, что далеко уже уходим от первоначального плана кормить и ловчить в одном только селе, Ефимовке; сознавали также свою неопытность и малочисленность, но нужда кругом была слишком велика. Нами были открыты столовые в Покрово-Тананыковской, Андреевской и Ромашкинской волостях. Когда мы приехали в Покрово-Тананыковскую волость, чтобы открыть там на средства, полученные от земства, школьные столовые, то скоро убедились, что

помощь наша там несколько запоздала. Многие крестьянская семьи совершенно разорились. В селе Покровке нельзя было нигде достать хлеба. Заболеваемость была колоссальная. В селе Ивановке — эпидемия брюшного тифа, падеж скота и в довершение всего по всей волости эпидемия сифилиса. Целью нашего приезда в эту волость было, как я уже указал, открыть школьные столовые, но для нас сразу стало ясно, что ограничиваться только одними школьными столовыми нечего было и думать. Необходима была самая широкая и скорая помощь. Собранный нами сход носил чрезвычайно бурный характер. Мы не могли обещать крестьянам открыть столовые для взрослых, так как не имели на это денег, а крестьяне не хотели верить нашим словам. Вечером мужики намеревались разбить общественный амбар: «казенный», как они его называли, и Ек. И. Орловой стоило больших трудов уговорить их не делать этого. Мы обещали хлопотать о помощи. Оказалось, что за две недели до нашего приезда здесь функционировали земские столовые, которыми заведовал земский агроном. Эти столовые существовали всего несколько дней, и 1-го февраля были закрыты, при чем в земскую управу заведующим была отослана бумага, в которой он пишет, что закрыл все столовые за невысылкой ему денег. К счастью, на наши телеграфные просьбы в Москву мы получили очень скорую поддержку и в течение нескольких дней нами были открыты столовые по всей Покрово-Тананыковской волости, в селах: Покровке, Александровке-Сергиевке, Своевольной-Ивановке, Костине, Ивановке и Лаврентьевке; после были открыты столовые и в Ромашкинской волости, в селах: Ромашкине, Родюновке и Бобровке. Всюду мы открывали столовые по раз установленному порядку: собирали сходы, на сходах составляли списки, выбирали уполномоченных, столовщиков и т.д... В селе Ивановке была устроена амбулатория и питательный пункт для больных. В марте месяце были получены средства от Московского Общества Грамотности и открыты столовые для детей школьного возраста в селах: Ивановке - на 60 человек, Костине — на 50 человек; Лаврентьевке — 50 человек, Шаболовке — 25 человек и в деревне Грибановке на 20 человек.

В Петровской волости, которая находится по соседству с Покрово-Тананыковской, положение крестьян было также крайне тяжелое. Нашему отряду не пришлось работать в этой волости, но некоторым из нас пришлось быть там и удалось получить ясное представление о степени голода в ней и о размерах тифозной эпидемии. Всюду, где работать наш отряд мы старались составлять подворную опись с точными сведениями о состоянии каждой семьи. Вот выдержки из этих описей. Взято три крестьянских семьи,— бедная, средняя и богатая.

1. Ф. Н. Никишев. Семья 7 человек. Надел 1,5 души; заседал 4,5 десятины. Намолотил один челяк** сору. Покошу не было никакого — вся трава сгорела. Осенью имел 2 лошади, 2 коровы, 7 овец. Одну лошадь продал за 5 рублей, корову за 14 рублей и деньги «проел».

Теперь одна лошадь больна — «висит»***, все овцы пали, осталась одна корова. Кормит корову старой соломой. Осенью был на общественных работах, получить 12 рублей; купил хлеба и керосину. Теперь собирает по миру.

2. Ф. В. Карпов. 70 лет. Семья 10 человек; один работник. Надел 2 души; сеял 2,5 десятины, собрал 6 челяков, приготовил под яровое 2 десятины, остальную пахотную землю, 4 десятины, сдал в аренду на 2 года по 5 рублей за десятину. Осенью было 3 лошади, 3 коровы, 10 овец, 2 теленка. Теперь осталась одна лошадь, один подтелок «половой», т.е. в половинном владении с «шабром» — (соседом). Две овцы «проел», остальной скот пал. Осенью 4 дня был на общественных работах, получил 2 рубля.

3. П. Л. Лапин; семья 16 человек; два работника. Засев 13 десятин; собрать 9 челяков. Осенью имел 8 лошадей, 15 коров, 15 овец; одна лошадь, восемь коров и тринадцать овец пали; 5 лошадей продал по 7 рублей каждую; 5 коров продал по 10 рублей. Теперь остались две лошади и две коровы. Осенью в общественных работах участия не принимал, так как считался «жителем» и его не записали. Продал веялку, внутренние перегородки в избе, жерди; в амбарах нет ничего, солома на крышах разобрана.

Эти примеры показывали нам, что крестьянское хозяйство в этих волостях основательно разорено. Крестьяне уверяли нас, что 3 - 4 года хорошего урожая едва ли вернуть потерянное за этот год.

VII.

Я уже упоминал об ужасающем падеже скота, как о факторе, делающем общую картину голода особенно тяжелой. Старики уверяли, что они не помнят ни одной из голодовок, которые им приходилось раньше переживать, когда бы падеж скота достигал таких чрезвычайных размеров. Ежедневно в каждом селе падали десятки голов. К марту месяцу Бузулукская Земская Управа зарегистрировала падеж 10,000 только одних лошадей; количество павших голов рогатого скота и верблюдов было, вероятно, не меньше, а мелкий скот трудно было и учесть. В течении марта падеж продолжался, а в апреле усилился. В чем была причина такого падежа? Земские ветеринары не могли констатировать какой-либо определенной эпидемической болезни и приходилось объяснять падеж бескормницей. Действительно, во всем селе нельзя было достать ни клока сена, даже и у богатых мужиков; не было и свежей соломы, так как и хлеба и травы были сожжены засухой еще весной. Скот кормили исключительно старой соломой но б. м. эта солома содержала в себе какое-либо вредное брожение, и лошади ее не переносили.

Те, кто имел хоть сколько-нибудь пшеничной или ржаной муки,— делали «месиво» или «посыпку», т.е. мелко рубили солому, мочили ее

и посыпали мукою. Этим кормом скотина поддерживалась. Но кто же мог хлебом кормить животных, когда самим людям есть было нечего. Однако сплошь и рядом люди делили пищу с лошадей и коровой, при чем на свою долю оставляли меньшую часть.

Не нужно особенно детально вникать в сущность степного крестьянского хозяйства, чтобы видеть всю безусловную зависимость его от количества и качества скота. Не говоря уже о том, что хлебопашество, как всем известно, совершенно немыслимо без лошади, крестьяне, кроме того, с ног до головы одеваются теплой одеждой на счет скота (валенки, чулки, одеяла, шубы и т. д.) и наконец, без «кизяков», которые приготавливаются из навоза с соломой, крестьяне сидели бы без топлива. Одной коровы и одной лошади для степного крестьянина недостаточно, а полное лишение скота равносильно уничтожению всего хозяйства. Отсюда ясно, почему многие предпочитали лучше самим голодать, лишь бы осталась в живых лошадь и корова; этим объясняется и тот факт, что сплошь и рядом приходилось наблюдать, как корова живет в избе со всем крестьянским семейством и ей удивляется больше заботы и внимания, чем грудными детям.

В течении всей зимы крестьяне непрестанно просили о помощи скоту, но мы не в силах были что-либо сделать для них в этом отношении, тем более, что Земство само обещало придти на помощь. Земский ветеринарный врач делал опись уцелевшего скота, и все ждали, что вот-вот будет назначена лошадям ссуда. Но помощь была оказана слишком поздно (или так и не была оказана). Стремление Земства приобрести для уезда 10,000 лошадей для поддержания крестьянского хозяйства, взамен павших, также не удалось привести в исполнение: лошади не были куплены. Весною, когда стоял снег, и нужно было выезжать в поле бороновать, степь представляла собою мрачную картину. По дорогами от села до села, направо и налево, лежали разлагающиеся трупы и скелеты животных с неизменными собаками и вороньему. Очень многие крестьяне не могли выехать в поле, так как не на чем было бороновать, а те лошади, которые выехали, едва держались на ногах. Когда первый раз табуны были выгнаны в ночное, то в селе Покровке не возвратились домой 22 лошади, так как ночью внезапно поднялся мокрый буран и лошади его не вынесли — пали.

Наш отряд имел возможность затратить 1,500 рублей на наем бороновщиков безлошадным и 1739 рублей на покупку им лошадей и скота. Некоторые крестьяне бороновали свои полосы ручными граблями.

VIII.

Медицинская работа нашего отряда, началась тотчас же по приезде нашем в село Ефимовку. Крестьяне предоставили нами под

амбулаторию довольно просторную деревенскую избу, хозяева которой сами переселились в мазанку. В нашем распоряжении был достаточный запас медикаментов и инструментов, пожертвованных Феррейном, Келлером и Медлером. Главной нашей заботой было — локализовать эпидемию брюшного тифа, а затем вести ежедневный амбулаторный прием. Когда в феврале месяце эпидемия в Ефимовке, была почти прекращена, мы перенесли центр медицинской работы в Покрово-Тананыковскую волость и устроили амбулаторию и врачебно-питательный пункта в селе Ивановке, где разрасталась эпидемия брюшного тифа. Здесь, как и в Ефимовке, крестьяне предоставили для амбулатории «мирскую избу», за которую мы все же платили, оказывая этими помощью хозяевами помещения.

Ежедневно рано утром, когда еще едва рассветало, помещение амбулатории уже было переполнено больными. Принять больше 60 — 70 человек в день и «по совести» исследовать их у меня не хватало сил и терпения; приходящих же за помощью, часто было значительно больше. Попытки принимать ограниченное число по билетиками обычно ни к чему не приводили, так как часто к середине приема многие приходили из соседних сель пешком с детьми, и отказывать им, конечно, не было возможности. Вообще амбулаторный прием оказывался мало благодарной работой. Только незначительному проценту больных удавалось оказывать настоящую помощь медикаментами; в большинстве случаев, приходилось ограничиваться настойчивыми советами и внушениями. Когда ко мне являлось около 40 женщин с грудными младенцами и подростками, то поставить 40 диагнозов по женским и 40 по детским болезням, с назначением соответствующего лечения, было задачей весьма мудреной; это было еще тем труднее, что самому приходилось тут же готовить лекарства, вертеть порошки и учить больных пользоваться всем этим. Последним обстоятельством очень затягивался прием. Иной раз, когда собиралось большое количество больных с одинаковыми болезнями, я всем им вместе давал простые советы по гигиене, которые они легко могли применить в своей жизни. Я рассказывал им, например, как уберечься от заражения сифилисом, как пользоваться рационально баней, как кормить грудных детей и. т. п. Крестьяне очень интересовались этими беседами; слушали с большим вниманием, задавали вопросы и часто, как я могу в этом убедиться, следовали тем советам, которые ясно понимали и которые мы сообща признавали выполнимыми в их жизни. Но так как никто не соглашался уходить из амбулатории «без пойла», и все с бутылками из под водки (самая распространенная посуда) в руках, просили освидетельствовать их и налить им в бутылки лекарства, то для такого рода бесед, приходилось с трудом урывать время.

Окончив амбулаторный прием, остальную часть дня я посвящал обходу тех изб, где лежали тифозные и другие тяжело больные.

Первые дни мною было зарегистрировано 22 случая брюшного тифа и 2 случая цинги, а потом тифозная эпидемия некоторое время увеличивалась. В большинстве случаев условия, в которых находились больные, совершенно не удовлетворяли даже самым элементарным требованиям гигиены. Было, например, несколько семей, где в душных, полутемных глинушках, вместе со скотом, на полу лежали 3 — 4, а в одной семье даже 5 тифозных. Когда я в первый раз пришел в одно из таких семейств, осмотрел больных и дал простые советы: не пить сырой воды и питаться только сухарями, то единственный здоровый в семье человек, дед лет 70, поклонился мне в ноги, плакать и благодарил, что «их не забывают». Я едва мог утешить старика, и сам готов был провалиться сквозь землю. В одной избе только что умерла женщина, туда же меня позвали к больной. Моим глазами представилась такая картина: в углу, под образами стоял гроб с покойницей; около гроба собрались все «шабры» (соседи) и подняли невероятный вой; на полу и на окнах голуби, которым кто-то сыпал пшено; дверь была открыта настежь. Больная лежала на печи; я попытался залезть туда, но инстинктивно попятился назад: все на печи шевелилось от никогда мною невиданного обилия тараканов; во мне явилось чувство омерзения и ужаса, но все же пришлось взлезть на печь и осмотреть больную. У нее оказалось крупозное воспаление легких. Я указал хозяину дома на то безобразие, которое делается у него на печи. Но он удивился моему изумлению: «Что ж, это безбилетные,— они ничаво!» Все, что я мог сделать,— это удалить всех шабров вон из избы и просить хозяина скорее похоронить покойницу.

Однако, несмотря на грязь и отсутствие всякой гигиены в избах, я не мог бы сказать, что положение было безвыходное. Не всегда, но довольно часто, когда удавалось найти какие-нибудь меры к улучшению гигиенических условий, например, изоляция больного, выселение детей к соседям; в случае смежности помещений, попеременное проветривание их и т. п., крестьяне всегда следовали советам, только предварительно им нужно было толково разъяснить значение той или иной меры, выпросить какие они находят от нее неудобства и т.д. Конечно, для выполнения всех этих советов, требовалась постоянная настойчивость.

Что касается сущности тифозной эпидемии, то, насколько в Ефимовке тиф протекал сравнительно благополучно, настолько в Ивановке ему постоянно сопутствовали тяжелые нервные явления, с продолжительным помрачением сознания и параличами. Вследствие этого в Ивановке борьба с тифом, была значительно труднее. Вообще же, одною из самых действительных мер прекращения эпидемии, была выдача крестьянам горячей пищи и устройство питательного пункта для больных.

Кроме тех болезней, которые были вызваны острым моментом

голода: тифа, цинги, стоматитов, куриной слепоты, гастритов, я, ежедневно в течении шести месяцев соприкасаясь с жизнью деревни, мог констатировать целый ряд других, хронических заболеваний. Подводя итоги своей медицинской деятельности по амбулаторному журналу, я убедился, что 40% деревенских жителей Покрово-Тананыковской волости, заражены сифилисом; 75% всех женщин, страдают гинекологическими заболеваниями, имеется достаточный процент костного туберкулеза, особенно среди татар и, наконец, всюду - колоссальная детская смертность. Чтобы выяснить точную картину детской смертности, я записывал в амбулаторном журнале, сколько родилось детей у каждой проходящей ко мне женщины и сколько умерло их до восьмилетнего возраста. Эта запись показала мне, что умирают 85% всех детей. Здесь я не имею возможности входить в детальное обсуждение всех причин, которыми обуславливается такое состояние деревни. Но главной причиной является несомненно тот факт, что на 40000 населения медицинского участка приходится только один врач; ежедневный колоссальный амбулаторный прием отнимает у врача все силы и время, и о культурном влиянии медицины на гигиену деревни, конечно, не приходится и помышлять. Так, например, целая Покровско-Тананыковская волость заражена сифилисом, а население не имеет даже самых элементарнейших понятий о течении и симптомах этой болезни, не знает простейших способов уберечься от заразы: дети едят из одной чашки с сифилитиками-взрослыми, всякая болезнь у них - "простуда" или "головной тиф". Деятельность знахарей-лавочников, "знающих бабок", которые у "дохтура в городе в стряпках жили", - вся, так называемая, народная медицина в худшем смысле этого слова процветает в деревне.

Можно было бы привести целый ряд примеров обычной крестьянской терапии. Так, мне пришлось познакомиться с новой болезнью "чемиром", которая излечивалась вырыванием волос из головы. Один крестьянин привел ко мне свою жену и просил полечить ее, так как его лечение (выдергивание волос) уже не помогало. Эта болезнь, оказалось, по-видимому, простой невралгией, и я должен был заменить специфическое крестьянское лечение антипирином. Самыми ходовыми лекарствами являются там "кал", "суляма" и "купорос". Зубные болезни лечатся всегда купоросом, а вся "простуда" выгоняется баснословными поглощениями иодистого калия и сулемы. Сплошь и рядом ко мне являлись крестьяне, больные склерозом сердца и сосудов, и выяснялось, что в течении целого ряда лет они пили сулему. Попытки мои применить ртутное противосифилитическое лечение и разрушить веру крестьян во всеисцеляющую силу иодистого калия были встречены сначала враждебно, и один конфликт был вынесен даже на сходку. Однако, настойчивое применение ртутных втираний и часто прекраснейшие

результаты их побеждали деревенскую косность.

Убийственный факт 85% детской смертности в деревне чрезвычайно поразил меня, и я стремился понять причины этого явления. Некоторые из них были вполне очевидны: сифилитическая и алкогольная наследственность, неумение кормить грудных детей и в силу этого постоянные гастриты их, беспризорность детей в рабочее время и гибель их в колодцах, прудах и частое отравление беленой — все это явления, которые мне постоянно приходилось самому наблюдать. Но все же эти причины казались ничтожными в сравнении с той, которую мне в конце-концов пришлось обнаружить.

Передам следующий эпизод. В селе Ивановке есть одна очень симпатичная, большая и дружная крестьянская семья; все дети этой семьи чрезвычайно красивы; как-то я зашел к ним в глинушку; в люльке кричал ребенок и мать с такою силою раскачивала люльку, что та подбрасывалась до потолка; я рассказал матери, какой от такого качания может быть вред для ребенка. «Да пусть бы Господь прибрал хоть одного-то,— ничто не берет их, хоть бы с Шаболовки ветер подул», отвечала она, а Шаболовка — это очень грязное, грубое и зараженное сифилисом село, и все это мать призывает на своего ребенка! И все же это одна из хороших и добрых женщин в селе. Этот эпизод поразил меня до самой последней степени. Не удивительно невежество и неумение выращивать детей; неумеющих можно научить. Но что делать с преступным нежеланием выращивать детей здоровыми? Кто же виноват в таком вопиющем извращении материнского инстинкта, свойственного всем животным?

IX.

В апреле была прекращена выдача правительственной попудной ссуды. За май ссуда крестьянам не была выдана и, хотя скот можно было выгнать в поле, положение голодных сразу сильно ухудшилось. Наш отряд должен был значительно расширить кормление в столовых. В конце мая начались кое-какие полевые работы. В Уральских казачьих пределах начался покос. Так как целые семьи уходили на продолжительное время из села, то нерационально было кормлением в столовых удерживать их в селах. К 1-му июня мы закрыли все столовые, заменив их пайковою выдачею по 1 пуд. 5 фун. пшеницы и 10 фун. пшена на каждого взрослого и ребенка-школьника. Кроме того, в Покрово-Тананыковской волости были учреждены нами ясли для маленьких детей на время всей рабочей поры, с 15 июня по 16 августа. В этих яслях кормилось 100 человек детей. Для правильного функционирования яслей, как одного из средств борьбы с детскою смертностью, и на будущее время, а также для того, чтобы дать денежную поддержку ряду многосемейных крестьян Покрово-Тананыковской волости, нами были устроены общественные работы — постройка постоянного помещения для яслей. Это же помещение

должно служить постоянным приютом и для детей - круглых сирот, родители которых умерли во время эпидемий предыдущих и этого голодных годов. Плата работникам за труд выдавалась, как пайки для их детей. На это предприятие было израсходовано 1400 руб., при чем из средств Московского О-ва Грамотности 900 руб., а остальные 500 рублей из средств, специально пожертвованных на это дело частными лицами.

При этом надо сказать, что в селе Лаврентьевке, а раньше в Ромашкине уже существовал приют для детей — круглых сирот Бузулук-Тананыковского района. Приют этот был основан в 1907 году при участии Пояркова, после голодного 1906 года. Но в последнее время он, не имея собственного помещения и забытый старыми благотворителями, начал приходить в упадок. Обычно сами крестьянские общества давали средства для прокормления и обучения детей приюта, но в этом году, когда большинство крестьян разорилось, а число детей-сирот увеличилось, наш отряд должен был взять кормление детей на средства Московского Общества Грамотности. Но, считая безусловно нравственно невозможным, прокормив их несколько месяцев, бросить детей на произвол судьбы, мы воспользовались возможностью построить для приюта постоянное помещение, связав его с устройством яслей на время рабочей поры и дав одновременно хорошую поддержку многосемейным крестьянам в острый момент голода.

Одно частное лицо (В. Г. К.) пожертвовало средства на покупку участка земли для приюта и на содержание воспитательниц в течение одного года.

Приют построен в селе Костине, Покрово-Тананыковской волости и находится в ведении «Бузулук-Тананыковского Общества трудовой помощи».

Есть надежда, что эта Костинская детская колония превратится в кустарно-ремесленную и земледельческую колонию, каковые прямо-таки необходимы в той местности, и хочется ждать дальнейшей поддержки этого гуманного и просветительного дела со стороны интеллигентного общества.

Удивительная нищета, грязь и невежественность постоянно поражали нас на каждом шагу нашей работы в деревне. Часто невыносимо больно было смотреть на жизнь крестьянина.— Но одно нас всегда поддерживало — это полное осознание крестьянами своей темноты и страшная жажда просвещения. Это явление и нам, временным работникам в деревне, давало бодрость и светлые надежды на будущее. Крестьяне постоянно приходили к нам за советами и всюду жаловались на то, что только небольшой процент всех их детей получает возможность обучаться в школах, да и самые школы не удовлетворяют их. Главное же то, что совершенно нет сельских библиотек, негде достать книгу, и дети, кончившая школу,

скоро забывают грамоту, не имея возможности чтения. Те немногие книжки, которые имели члены нашего отряда, брались нарасхват, а детские книжки с цветными картинками приводили ребятишек в полный восторг. Книг Нового Завета очень многие крестьяне никогда не видывали и не читали. Если иногда приходилось прочесть в крестьянской избе несколько строк из Евангелия на русском языке, то это производило необычайно сильное и глубокое впечатление.

В с. Ефимовке у меня был один, внезапно заболевший мальчик-школьник, который все время своей тяжелой болезни и до самого момента смерти не расставался с книгой. Грамотный ребенок всегда любимец в крестьянской семье; при каждом удобном случае он собирает вокруг себя шабров и родных и читаешь вслух выученные в школе рассказы и стихотворения.

Сельские учительницы часто поражали нас своей любовью к детям, любовью к школьной работе, но их слишком мало и в слишком тяжелых условиях приходится им жить и работать.

Во время пребывания нашего в деревне, члены отряда очень интересовались принципиальным отношением крестьян к самому факту голодовок и к частной даровой помощи. Известно, что голодовки в деревне явление довольно обычное, к которому крестьяне в достаточной степени привыкли. В одной из волостей (Графской) построено даже специальное помещение для столовых в голодное время.

Но, хотя народ и привык к голодовкам, однако, «приспособиться» к ним он все же не в состоянии, и когда голод наступает в такой острой форме, как в минувший год, крестьянин, чтобы спастись от гибели, вынужден пользоваться посторонней помощью. Казенной ссуды, как я указывал, было недостаточно; к тому же, ссуда выдавалась с обязательством возврата, и крестьяне всегда относились к получению ее очень осторожно, зная, что они влезают в долги. Частная помощь была крайне необходима и выдавалась даром. Все это крестьянин хорошо понимает и учитывал, и потому к частной помощи относился с большой благодарностью. Бывали случаи, когда крестьяне, находясь в крайней нужде, охотно брали нашу помощь, но при этом замолчали, что «стыдно хлебопашцу самому протягивать руку за куском хлеба».

Было очень интересно узнать нашему отряду, что в тех самых деревнях, где мы работали, некогда кормил народ Лев Николаевич Толстой. Крестьяне помнят Толстого и случайное тождество его имени и отчества с именем одного из членов нашего отряда давало повод крестьянам к частым воспоминаниям о нем. Один из крестьян прислал даже письмо в Москву, в котором, между прочим, пишет:

«Выхожу раз на заваленку, а заваленка есть фунтамен ниска строеннаго дома, мужики собралися и говоря Лев Николаевич. Толстов, умирая, завещал не оставлять наше село Костино, самому Льву Николаевичу, потому он ездить верхом, как ездил Лев

Николаевич Толстов, когда также кормил столовыми.. Я еще был маненький, - хорошо помню старика на сивой лошади верхом» и т. д.

Приятно сознавать, что в самой глуши деревни знают Толстого и с любовью вспоминают о нем.

Когда мы уезжали домой, крестьяне торжественно провожали нас и просили «благодарить Москву, что не оставляет».

*) Из с. Ефимовки обратная дорога в город 160 верст

**) Челяк = около 3/4 меры.

***) Лошади так ослабли, что не держались на ногах; под брюхо им подкладывали палки, за концы которых привязывались веревки и подвешивали лошадь к потолку; тогда лошадь полувисела, полустояла.

Публикуется по: Московское Общество Грамотности. Комиссия школьных столовых. Помощь голодающим в 1912-м году. Москва, Типография П.П. Рябушинского, 1913 г. Текст обработан в соответствии с нормами современного правописания.